

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка
Кругом один обман
Дома стоят дольше, чем люди
Дом за поселком
Жена поэта
Остановись, мгновенье...
Ничем не интересуюсь, но всё знаю

Виктория Токарева

Жена поэта

Повесть и рассказы

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Токарева В.

Т51 Жена поэта : Повесть и рассказы. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 256 с.

ISBN 978-5-389-16749-0

«Виля уже имел негативный жизненный опыт (двойное предательство), но романтизма не изжил. Верил в прекрасное. И отражал это в своих стихах. Прекрасными были цветы — садовые и полевые. Что может быть совершеннее ромашки? Кто ее придумал? Всевышний. А как прекрасен грибной дождь с радугой на небе... И человека придумал тот же автор. А такие оттенки, как хитрость, предательство, — это добавили в жизнь сами люди. Всевышний совершенно ни при чем».

Виктория Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-16749-0

© Токарева В. С., 2019

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

Издательство АЗБУКА®

жена поэта

повесть

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поэт. Государство — Советский Союз, семидесятые годы. А царство — маленький провинциальный городок, частный деревянный дом. Ветка черемухи стучала в окно юного поэта.

Звали поэта Вилен, сокращенно Виля. Это имя — производное от полного имени вождя революции: Владимир Ильич Ленин. В двадцатых и тридцатых годах вошли в моду революционные имена: Владлен, Марлен (Маркс — Ленин), Рэм (Революция — Энгельс — Маркс), Ким (Коммунистический интернационал молодежи), Индустрий, Искра — та самая, из которой возгорится пламя.

Имя «Виля» было благозвучным и нежным. Приятно произносить. Фамилия — Селиванов. Когда-то, в очень далекие времена, эта

фамилия образовалась из двух слов: «село» и «Иванов». Получилось «Селиванов». Селивановых очень много, но никому в голову не приходит, как возникла эта фамилия.

Жил он с папой и мамой. Мама Надя была разговорчивая, все время вещала что-то никому не нужное. Ей казалось, что другим это интересно. Близкие родственники делали вид, что слушали, но они просто переживали словесный водопад, думали о своем.

Папа не имел в семье никакого авторитета, поскольку он ничего не добился в жизни. Но он и не добивался. Просто жил себе: ел, пил, любил, читал, смотрел телевизор. И никуда не стремился. А зачем? Все при нем: вода, еда, жена, сын, книги. Что еще?

Сын Виля довольно рано начал писать стихи. Их публиковали в газете, сначала в школьной, а потом в городской. Стихи были простые и ясные, без заворотов. Казалось бы, ничего особенного, а попробуй написать просто, ясно и в рифму.

Виля выделялся среди ровесников, и его любила самая красивая девочка в классе Таня Марченко. У нее была сверкающая улыбка, глаза круглые и густо-коричневые, как переспелые вишни, прозрачная челка и рюмочная талия.

Стихи полились из Вили, как из фонтана в центре города. Стихи были такие: «Я гляжу

на твои колени, взгляд мой дерзок, и чист, и смел...» И так далее, целая серия: «Я гляжу на твои глаза», «Я гляжу на твои плечи». Таня Марченко опасалась, что Виля поглядит еще куда-нибудь и потом расскажет об этом всему свету. Таня стала избегать Вилю, но ее неприступность только подливала масла в огонь, подстегивала молодую страсть. Однажды они оказались на дне рождения Шурки Самодёркина. Шурка — лучший друг, но дело не в нем.

Шуркины родители накрыли стол для гостей, а сами ушли. Очень кстати. Мальчишки стали зажимать девочек. Сердца стучали так, что ритмичный стук вылетал в форточку и поднимался высоко в небо. Самолеты начинали дрожать от турбулентности. Подростки постигали главные ощущения жизни.

Виля зажал Таню в прихожей среди чужих пальто. Он был совершенно не осведомлен сексуально. Действовал интуитивно. Таня ему помогала, расстегнула кофточку, стянула лифчик, иначе бы он порвал. «О! Если б навеки так было...» Но ничего не бывает навеки.

Шуркины родители вернулись. Пришлось принять прежний вид и восстановить выражение лица. Компания вернулась к столу. Сидели с выпученными глазами, оглушенные гормоном счастья, который вырабатывается в определенных обстоятельствах.

Там, в прихожей, был открыт ящик Пандоры. Ящик — это ящик, а Пандора — первая женщина, созданная по велению Зевса. Открыть ящик Пандоры — значило совершить действие с необратимыми последствиями.

Последствия настали. Виля и Таня думали только друг о друге и ни о чем больше. При каждом удобном случае они обжимались: стоя, и сидя, и лежа, в зависимости от обстоятельств. Ее дыхание, ее аромат, тепло ее тела — единственное, чем питались его стихи.

Получился целый сборник. Этот сборник сыграл решающую роль в судьбе Вили. Руководство города заметило самородок и стало выдвигать его вперед.

Виля довольно быстро осознал, что выдвиженцы живут лучше, чем скромные труженики. Разница примерно такая, как между кошкой и собакой. Собака живет на улице, в будке, питается объедками со стола. А кошка — в доме, на диване, смотрит телевизор на коленях у хозяйки.

Виле тоже доставались продуктовые пайки с красной икрой и мороженой курицей. За это он должен был сочинять стихи по заказу: к празднику Великого Октября, ко дню рождения Клары Цеткин. Кто такая эта Клара, Виля понятия не имел, но это ничему не мешало. Свои главные стихи он не смешивал

с заказными. Разница была такая же, как между колбасой в магазине и колбасой в продуктовых пайках.

Виля окончил школу. Поступил в педагогический институт. И женился на Тане Марченко. На ком же еще?

Руководство города предоставило им квартиру в новом блочном доме. Жить на этаже оказалось удобнее, чем в частном доме. Водопровод прямо в квартире, сортир — то же самое. Не надо бежать во двор среди ночи. Горячая вода, ванная, газовая плита — живи не хочу. Можно рожать детей, хоть целую дюжину, но Таня не хотела ни одного.

— Почему? — вопрошал Виля.

— Я не хочу менять хорошую жизнь на плохую, — объясняла Таня.

В ее семье было пятеро детей. Таня — старшая, и поэтому ей приходилось нянчить всех своих братьев и сестер. Этот клубок забот достался ей полностью и под завязку. Ее буквально тошнило от вида грудного ребенка.

Шурка Самодёркин не захотел получать высшее образование. Он пошел в армию. Вернулся с водительскими правами и подался работать в такси.

Виля пристроил друга к доступному начальнику. Шурка стал обслуживать начальника и его семью, а в свободное время —

друзей и родственников. Тоже не последнее дело.

Таня Марченко (теперь Селиванова) вила гнездо: люстры, полочки, обеденные сервизы. Шурка сопровождал ее, таскал тяжести, давал дельные советы. Таня буквально не могла без него обходиться. А Шурке нравилось быть необходимым. Это означало: он нужен не только себе самому, а еще кому-то. В этом смысл любви и материнства: быть нужным.

Виля в бытовухе не участвовал. Он был заточен на творчество и на карьеру. В отличие от Шурки.

Составная часть карьеры — написание льстивых стихов, которые он самолично вручал хозяевам города.

Виля хорошо выучил коридоры власти, запомнил кабинеты, а также фамилии, имена-отчества и дни рождения. Виля был молодой, вежливый, услужливый и не мог не нравиться. Цветущая юность всегда привлекает.

Шурка Самодёркин не понимал Вилю.

— Что ты им жопы лижешь? — интересовался Шурка. — У них своя жизнь, у тебя — своя.

— А ты не лижешь?

— Нет. Я — обслуживающий персонал. Обслуга. Я за это деньги получаю.

Однажды мама Надя (мать Вили) напекла пирожков с капустой и пошла к сыну — прове-

дать и посмотреть хозяйским глазом. У нее были свои ключи.

Мама Надя вошла в прихожую, увидела незнакомую куртку. Чья бы это?

Прошла в спальню и остановилась в недоумении. Ее поразило количество голых ног. Их было четыре, но казалось, что больше. Приглядевшись, мама Надя определила две головы. Та, что сверху, принадлежала Шурке Самодёркину: друг, называется. А все, что внизу — Таня.

Шурка трудился самозабвенно и ничего не видел вокруг себя. Таня пребывала с закрытыми глазами и тоже не увидела маму Надю.

Мать Вили постояла и тихо ушла. Не стала себя обнаруживать.

Болтливая и несдержанная, мама Надя проявила неожиданную мудрость: решила промолчать. Любовники ее не видели и не знают, что их застукали. Можно сделать вид, что ничего не случилось. Шурка уйдет домой. Виля вернется из института, Таня встретит его с нежной, немножко виноватой улыбкой. Жизнь продолжается.

Виля любил Таню всей душой и телом. Объявить ему о неверности жены — все равно что ударить ножом в сердце. Хотелось, конечно, — пусть знает правду. Но кому нужна эта правда? Зачем такая правда, от которой боль и разрушения?

Но каков подлец Шурка! Виля устроил его на денежную работу. Виля был предан любви и дружбе, как лебедь. Бедный Виля. Поэт. Видит мир сквозь розовые очки. Дурак.

Мама Надя терпела эту тайну, как тяжелую болезнь. Иногда замирала и качала головой, как лошадь, отгоняющая шмеля.

А вдруг у Тани с Шуркой любовь? Тогда роль Вили непонятна. Вернее, понятна. Его надо поскорее выдрать из этой грядки, где произрастают ложь и предательство.

Виля ничего не замечал. Но однажды пришел растерянный.

— Люди злые, — сказал он матери.

— Какие люди? — спросила мама Надя.

— Танина подруга. Томка Звонарева. Сказала, что Таня изменяет мне с Шуркой. Подруга, называется.

— А откуда она знает?

— Говорит, что Таня сама ей рассказала. Поделилась. Представляешь? Сволочь!

— Кто?

— Томка, кто же еще? Она всегда завидовала Тане и сейчас завидует. У Тани — отдельная квартира, муж и красота. А у Томки ничего нет и никогда не будет.

— А ты сам спроси у Тани, — предложила мама Надя.

— Что спросить?

— Про Шурку.

— Ты что-нибудь знаешь? — заподозрил Виля.

Мама Надя хотела сказать: «Все знают, кроме тебя», но многозначительно промолчала, поджав губы. Ее рот, и без того узкий, превратился в нитку.

Виля посмотрел на нитку и сказал:

— Ты злая. Ты плохой человек.

Встал и ушел.

Виля не стал садиться в автобус. Шел пешком. Ему не хотелось никого видеть, и даже случайные пассажиры казались врагами. Вокруг — враги. Все. Даже самые близкие: друг, мать, жена.

Во рту накопилась слюна. Виля хотел сглотнуть, но не смог. Болело горло. Не просто болело. Ломило.

Виля сплюнул на землю. Подул ветер и забросил слюну на пальто. Получилось, что Виля сам себя оплевал.

Он вошел в дом. Разделся в прихожей и сразу прошел к постели. Лег. Таня села рядом. Кровать под ней качнулась.

Виля внимательно смотрел на жену. На ней было короткое легкое платье тигровой расцветки. Оно же служило ночной рубашкой, и домашней одеждой, и даже выходной. В ресторан она его не надевала, конечно, но гостей принимала. Ей было лень переодеваться.

— Ты спишь с Шуркой? — прямо спросил Виля.

- Ну да... — легко призналась Таня.
— Зачем?
— Мне интересно.
— Ты меня не любишь?
— Люблю.
— А зачем изменяешь?
— Я не изменяю. Я просто трахаюсь, и все.
— Но если ты любишь мужа, зачем тебе любовник?
— Для кругозора.

Таня смотрела прямо в его глаза — ни тени смущения.

- Какого еще кругозора?
— Ты понимаешь, у меня никого, кроме тебя, не было. Только ты, и все. А мне интересно: как с другими? Все люди разные, значит, и половые акты разные. Как книги. Нельзя же всю жизнь читать одну и ту же книгу...

У Вили загорелось лицо. Видимо, поднялась температура.

- Знаешь, как это называется? — спросил он. Вили произнес короткое емкое слово.
— Очень грубо, — не одобрила Таня. — Ты красный. Давай я тебя водкой натру.

Вили провалялся неделю. Его навещали, но он никого не хотел видеть. У него была полная апатия ко всему: к еде и к людям.

Однажды зашел Шурка Самодёркин. Принес томатный сок и плитку шоколада.

— Зачем ты трахаешься с Таней? — прямо спросил Виля. — Тебе не стыдно?

— Так это не я, — открестился Шурка. — Это она. Ее идея.

— Но член-то твой.

— Это не считается, — сказал Шурка. — Мужчины все такие. Мужская природа. Когда плохо лежит, норуют воспользоваться.

— Но я — твой друг.

— И я — твой друг. Что изменилось? Ничего.

Виля понял, что ему не достучаться до Шуркиной совести. То ли этой совести нет совсем, то ли он, Виля, что-то не понимает. Отстал от времени, как динозавр. Что дальше? Они так и будут расширять свой кругозор, а он — с ветвистыми рогами у прохожих на виду?

Виле стало казаться, что все вокруг знают, весь город в курсе его личной жизни. Он здесь не останется. Уедет. Куда? В Москву, куда же еще?

Здесь, в этом захолустье, ему нечего ловить, кроме сплетен. А Москва — большой водоем для крупной рыбы. Не водоем — океан, где свободно плавают киты и акулы.

От этой мысли становилось легче.

Ангина долго не проходила. Вернее, она утихла, но скоро возвращалась. Самостоятельно с ней было не справиться.

Виля пошел в поликлинику. Его направили в кабинет «ухо-горло-нос».

За столом сидела женщина-врач, лет тридцати. Виле — двадцать два. Для него тридцать — возраст. Врач была не молодая и не старая, не худая и не толстая, не красавица и не уродка. Она взяла голову Вили двумя руками. Руки у нее были сильные и нежные одновременно. Виля представил, как она обнимает своего мужчину.

— Как вас зовут? — спросил Виля.

— Валентина Егоровна.

— А можно Валя?

Она не ответила, надвинула на лоб круглое зеркало. Приказала:

— Откройте рот.

Виля покорно разинул рот. Валя сунула в рот что-то железное, стала изучать его гланды. Виля давился, на глазах выступили слезы.

Валины руки пахли ванилью. Очень приятный, завораживающий запах.

— У вас в гландах пробки, — сказала Валя. —
Надо пропить антибиотики.

Она освободила его рот от железа. Стала писать рецепт.

— Фиг с ним, с пробками, — сказал Виля. —
Само пройдет.

— Или пройдет, или будет осложнение. Вы носите в себе мину.

Мина действительно в нем сидела, но она называлась «Шурка Самодёркин».

Слезы снова вернулись в глаза, хотя Виля больше не давился.

— Не бойтесь, — мягко проговорила Валя и положила свою руку ему на щеку.

— Я не боюсь. Мне все равно. — Виля взял ее ароматную руку и подвинул к своим губам.

— Пейте «Сумамед», — как ни в чем не бывало сказала Валентина Егоровна и мягко убрала руку. — Начните сегодня же.

Ангина действительно прошла очень быстро, буквально за три дня. Валентина Егоровна оказалась права.

Виля планировал отъезд в Москву. Он понимал: надо вступить в партию. Без партии карьеры не сделать. Какая карьера у поэта? Голодный художник, и больше ничего. Другое дело — должность. Должность — это власть. А власть — это тиражи и деньги.

Для должности необходима протекция. Виля зачастил в горком (городской комитет партии). Он не лизал жопы (выражение Шурки), но мел хвостом. Начальники разглядели в нем своего. Орлы распознали орленка. А может, волки — волчонка.

Начальники — не дураки, как хочется думать простому обывателю. Однако не романтики. Циничные ребята.

Виля уже имел негативный жизненный опыт (двойное предательство), но романтизма

не изжил. Верил в прекрасное. И отражал это в своих стихах. Прекрасными были цветы — садовые и полевые. Что может быть совершеннее ромашки? Кто ее придумал? Всевышний. А как прекрасен грибной дождь с радугой на небе... И человека придумал тот же автор. А такие оттенки, как хитрость, предательство, — это добавили в жизнь сами люди. Всевышний совершенно ни при чем.

Окончив педагогический институт, Виля в учителя не пошел. Он не умел относиться к детям как к равным. Для него дети — дикари, которым некуда девать энергию. Он их не уважал. Они это чувствовали и отвечали тем же самым. Педагогический талант — такая же редкость, как любой другой.

Виле удалось устроиться в заводскую многотиражку. Там он мог сочинять стишата на любую тему. Он так и делал. И все были довольны. Но Виля понимал, что заводская многотиражка — временный причал. Его ждет большое плавание.

Танина неверность — не случайна. Она выталкивала Вилю в новую жизнь. Ничего не бывает просто так. Все — для чего-то.

Однажды Виле приснился сон, что он не спит. Таня лежала рядом. Он — с краю. Вдруг дверь скрипнула. Кто-то вошел и лег рядом с ним.

содержание

повесть

жена поэта	5
------------------	---

рассказы

поздняя любовь	96
грузовичок	161
внутренний рейс	182
мизерный человек	195
ленинградские открыточки	216
придет серенький волчок	227

Литературно-художественное издание

токарева
виктория самойловна
ЖЕНА ПОЭТА

Редактор Д. Гурьянов

Художественный редактор С. КАРПУХИН

Технический редактор Л. СИНИЦЫНА

Корректор Т. ДМИТРИЕВА

Компьютерная верстка Т. КОРОВЕНКОВОЙ

В оформлении обложки использовано фото

© pluiе_r/shutterstock.com

Фото на задней стороне обложки из личного архива автора

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Азбука»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

16+

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 15.07.2021.

Формат 75 × 100 ¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «Original Garamond».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,12.

Тираж 5000 экз. В-TGP-25219-01-R. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru